

болѣе прочную основу—въ исторіи и естествознаніи. Во-вторыхъ, онъ все болѣе и болѣе изгонялъ изъ критики ложную идеализацію, и никогда не позволялъ увлечь себя общепринятыми мифами, связанными съ какимъ-нибудь авторитетнымъ именемъ. Въ-третьихъ, С.-Бёвъ совсѣмъ измѣнилъ прежній характеръ критики, разлагавшей и разбивавшей произведеніе на части; онъ, напротивъ, поставилъ задачею критики—обнять и резюмировать цѣлое (конечно, въ предѣлахъ, свойственныхъ природѣ предмета). Его критика даетъ намъ цѣлый организмъ, указываетъ его внутреннія части, и притомъ на полномъ его ходу: мы видимъ огонь, приводящій его въ движеніе, слышимъ шумъ, производимый имъ, и въ то же время знакомимся съ его конструкціею.

Исторія литературы, которая была чѣмъ-то въ родѣ дополненія исторической науки, у С.-Бёва сдѣлалась руководительною для исторіи политической, самую живую часть всеобщей исторіи, такъ какъ въ ней одной содержались самые интересные и самые богатые матеріалы, какими только можетъ располагать исторія.

Вотъ въ чемъ, слѣдовательно, состоитъ вся оригинальность Сентъ-Бёва: это былъ умъ, который постигъ и истолковалъ огромное число другихъ умовъ. Но въ то же время рѣдко кто изъ историковъ и мыслителей представляетъ собою такое отсутствіе окончательно установившихся общихъ взглядовъ и систематики,—какъ именно Сентъ-Бёвъ. Въ этомъ есть, конечно, и хорошая сторона: недостатокъ систематики сохранилъ въ немъ зато прежнюю свѣжесть его мысли и далъ ему возможность постоянно перемѣнять эпидерму и идти впередъ въ такомъ возрастѣ, когда большинство писателей начинаютъ пятиться и идутъ назадъ...

Если же разсматривать теперь Сентъ-Бёва, какъ художника, то нельзя не сказать о немъ, что онъ очень напоминаетъ собою тѣхъ японскихъ артистовъ, искусство которыхъ ставилось очень высоко въ Европѣ, особенно въ послѣднее время; пріятно было именно не встрѣчать у нихъ даже и малѣйшаго слѣда той академической симметричности, которая невольно вытекаетъ изъ всякой системы; но зато никогда японцы не давали никому полного удовлетворенія, потому что они совсѣмъ пренебрегали перспективою.

Какъ критикъ, Тэнъ является великимъ преемникомъ Сентъ-Бёва, но въ то же время онъ представляетъ контрастъ по сравненію съ нимъ: Тэнъ—человѣкъ системы и симметріи до конца. Онъ взялъ на себя наслѣдство Сентъ-Бёва и придалъ ему новую цѣну. Всѣ основныя идеи Сентъ-Бёва получили у него система-